

Из книги М.С.Горбачева: «Жизнь и реформы»

Негативный ход событий, приведший к распаду Союза, стал результатом действия как раз тех сил, которые, утратив всякое чувство меры, стремились одни — любой ценой сохранить старые порядки и свою власть, другие — захватить власть любым способом.

На этом примере вновь обнаружилось все трагические последствия одной из самых пагубных человеческих страстей — жажды власти. Именно жадой власти были обуреваемы и гэкачеписты и Ельцин, когда вместе с Кравчуком и Шушкевичем разрушили великое Советское государство, чтобы въехать в Кремль. Именно жадой власти объясняются крайняя нетерпимость и агрессивность национальных элит в бывших союзных республиках, которые принесли в жертву собственным амбициям интересы своих народов, кровно заинтересованных в сохранении союзного государства.

Но это — тема для нового Шекспира и Пушкина. Мне, как профессиональному политику, важно здесь еще раз подчеркнуть, что люди, приходящие к власти, должны иметь нравственный стержень, не позволяющий безответственно ею пользоваться. В этом отношении совесть моя чиста. Придя на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, я обладал властью, сравнимой с той, что была у абсолютных монархов. Но с самого начала видел свою цель в том, чтобы поставить ее под демократический контроль, сделать легитимной. И на этом пути пришлось выдержать самое тяжелое испытание в декабре 1991 года.

От очень многих я слышал утверждение: самая большая ошибка Горбачева в том, что он отдал власть. Это рассматривается как проявление слабости, своего рода жизненная неудача. Действительно, в той шкале ценностей, какая существовала до сих пор, правитель, лишившись власти, является неудачником. У меня иная точка зрения на этот счет. Я не только был готов, но фактически сознательно вел дело к тому, чтобы на каком-то

этапе, после того как будет установлен стабильный демократический режим, верховная власть у нас передавалась из рук в руки, от одних избранных народом лиц — другим. В сущности, я был готов к такой передаче после подписания Союзного договора. К сожалению, в результате заговоров — августовского и декабрьского — такая возможность была сорвана. С тех пор Россия никак не может вернуться на колею политической стабильности. Ее сотрясают следующие один за другим перевороты. Задачу, которую мы не сумели решить, придется решать следующему поколению политиков.

Другой важный урок, который я вынес из своей деятельности, — это непродуктивность насилия как средства достижения политических целей. Почти не сомневаюсь: многие читатели в этом месте скептически улыбнутся. Действительно, трудно поверить в справедливость идеи ненасилия, когда кругом льется кровь, перед глазами множество примеров торжества грубой, наглой силы над справедливостью. Когда силовые методы по-прежнему используются если не в доктринах, то на практике многими государствами. Сторонников ненасилия, согласно идеологическим догматам, принимали у нас за убогих, за никчемных утешителей.

Если отбросить предрассудок и внимательно всмотреться во все, что сейчас происходит на территории бывшего Советского Союза, в Югославии, да и во многих других местах мира, нетрудно убедиться: там, где применяется сила, дело оборачивается в конечном счете поражением всех. Можно, конечно, на какое-то время подавить сопротивление слабой стороны, навязать свою волю. Но рано или поздно это приведет к накоплению горючего материала, к неизбежному взрыву. И потери при этом бывают в тысячи раз больше.

Вот почему во всех случаях, когда это от меня зависело, я стремился до конца использовать возможности политического урегулирования. И убежден, что, если современные политики позволят себе соблазниться кажущейся простотой силовых решений, такой путь будет гибельным. В конце его — не мир, а разрастание конфликтов, угрожающих слиться во вселенский пожар.

Осуждая насилие, важно, конечно, не впасть в крайность. Здесь, как и во всех других вопросах, нужна мера. Без применения принудительных методов современное общество, к сожалению, жить не может. Вся суть в том, чтобы они были строго взвешены. И что особенно важно — применялись в полном согласии с законом. Строжайшее соблюдение закона было для меня всегда самым важным. И не только потому, что я получил юридическое образование. Фактически нет иного способа переводить общество из одного состояния в другое, обновлять его в соответствии с требованиями времени, как своевременная разработка и применение законов. Если, конечно, не считать переворотов, бунтов, революций, которые обходятся непомерной ценой.

В законе выражается общая, согласованная воля народа и избранных им представителей. Когда власть проводит реформы с помощью законов, она чувствует себя уверенно. И так же уверенно чувствуют себя граждане. Стоит отойти от этого принципа, встать на путь произвола, как становятся неизбежны нетерпимость, анархия, кровопролитие.

Наконец, скажу еще об одной идее, которая была ведущей в моей политической деятельности. Это — *идея обновления*. Основная беда прежней системы была именно в ее неспособности к обновлению. После XX съезда было покончено с наиболее негативной чертой сталинской модели — массовыми репрессиями. Но при этом сохранился нетронутым ее «кощев дух» — монопольная власть партии, а на самом деле — узкого круга людей, входящих в состав Политбюро. Это резко ограничивало кругозор власти, делало ее самодержавной, сводило к минимуму возможность преобразований в экономике, политике, других сферах.

Необходимость постоянно чувствовать пульс жизни, чутко вслушиваться и своевременно откликаться на новые потребности относится не только к нам, русским. Я много раз говорил своим слушателям в разных странах мира, что обновление должно охватывать все современное общество. Уже невооруженным глазом видно, что грядут огромные перемены и в

технике, и в отношениях человека с природой, в устройстве обществ и государств, в международном порядке. Если мы не будем шагать в ногу со временем, будем запаздывать с обновленческими мерами, то окажемся погребенными под грузом обостряющихся глобальных проблем.

Отставание Советского Союза в соревновании с Западом произошло потому, что в развитых странах еще в 60-е годы поняли необходимость структурных перемен и высоких технологий, обновления всего производственного аппарата. Но сейчас на том же Западе все более остро дает о себе знать потребность и в переменах социального характера. Вновь не удовлетворена своим положением молодежь. Вновь встали вопросы самоуправления, межнациональных отношений. Причем ответы, которые обычно давались на эти вопросы с позиций традиционных доктрин — консервативной, либеральной, социалистической, коммунистической, христианско-демократической, уже не могут служить эффективной основой для практической политики.

Значит, нужно повышать уровень нашего мышления, создавать новую синтетическую концепцию общественного развития. Встает, может быть, самый важный для формирования будущего вопрос: пойдет ли поиск путей обновления мира автономно в разных странах и регионах или все же при теснейшем их взаимодействии, а может быть, и в целостности? Преимущество последнего подхода очевидно. Но пока еще нет уверенности, что дело пойдет именно так, верх не возьмут эгоизм, стремление выжить, спастись в одиночку. Я был и остаюсь сторонником того, чтобы вопросы своего будущего народы решали все больше на путях сотрудничества и взаимодействия.

М.С.Горбачев. Жизнь и реформы. Книга 2, М., 1995